

Л. В. Иванова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ В КОРЕЕ (1896–1904 гг.)

*Работа представлена кафедрой истории и культуры
Дальневосточной академии государственной службы.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. В. Дробница

Статья посвящена первой русской школе в Корее (1896–1904), деятельность которой стала значительным вкладом в развитие российско-корейских культурных связей, укрепление дружбы между двумя странами. Русская школа также способствовала развитию современного образования на Корейском полуострове в конце XIX – начале XX в.

The article is devoted to the first Russian school in Korea (1896–1904), which greatly contributed to the development of Russian-Korean cultural relations and strengthening of friendship between the countries. It also helped to develop modern education in Korea at the end of 19th – beginning of the 20th centuries.

Внешняя изоляция Кореи была прекращена в 1876 г. подписанием корейским правительством первого неравноправного торгового договора с Японией на острове Канхва. Позднее подобные договоры были заключены с США (1882), Англией, Германией (1883), Россией (1884) и рядом других государств.

Активизация внешних сношений, модернизация Кореи по западному образцу, которая началась после открытия страны, требовали хороших переводчиков для посольств и торговых фирм, образованных служащих в различных сферах промышленности, в строительстве железных дорог, заводов, рудников и т. д. Устаревшая система корейского образования китайского образца, основывавшаяся только на изучении китайской письменности и конфуцианских догматов, не могла удовлетворять эту потребность.

Попытки реорганизации школы стали предприниматься корейским правительством в начале 1880-х гг. Так, в 1883 г. в Сеуле по инициативе корейских властей была открыта переводческая школа «Тхонбен», которая стала первым учебным заведением нового типа. В 1886 г. по указу вана¹ в Сеуле была основана школа по изучению английского языка «Юген конвон». Препо-

даватели для школы были приглашены из Америки². Однако этих школ было явно недостаточно, к тому же они были рассчитаны только на детей из знатных семей.

Между тем тяга к получению образования наблюдалась среди всех слоев населения. В результате по всей Корее стали открываться частные школы. Особую активность в организации школ проявляли миссионеры из Европы и США, чья деятельность настоятельно требовала людей из числа местного населения, хорошо владеющих европейскими языками для перевода религиозной литературы и осуществления проповеди, а также для подготовки священнослужителей и воспитания корейского юношества в духе христианской веры. Помимо предметов богословия в программу миссионерских школ были введены различные общеобразовательные дисциплины. Например, в школе «Педже» («Школа воспитания полезных людей»), основанной протестантскими миссионерами в 1886 г., преподавали физику, элементарную математику, естествознание, географию, химию, историю, логику, риторику. Учащиеся знакомились с основами международного права, политической экономии и даже философии, рассказывали о системе государственного управления в капиталистических

государствах, о развитии там промышленности, буржуазных свободах.

Правительства европейских держав и США оказывали существенную материальную поддержку миссионерам своих стран, прекрасно понимая, что вольно или невольно они способствуют расширению и упрочению своего влияния на корейскую общественность и политическую элиту Кореи.

Сами корейцы охотно отдавали своих детей в миссионерские школы и посещали занятия, так как в них наряду с религиозным образованием давались знания, жизненно необходимые в новых условиях социально-экономического развития Кореи и активизации ее внешних отношений с другими государствами. Коммерческий агент Министерства финансов в Шанхае Д. Д. Покотилов писал: «Американцы, по видимому, не собираются довольствоваться скромной ролью в Корее, а мечтают об упрочении своего политического или, лучше сказать, морального влияния»³. По мнению Д. Д. Покотилова, проводниками «морального влияния» США являются американские миссионеры, которыми «положительно кишит как Сеул, так и вся Корея». «В руках этих миссионеров, – предупреждал коммерческий агент, – находится немало школ, и, конечно, воспитывающиеся в них дети приобретают чисто американские симпатии, с которыми нам придется, может быть, очень серьезно считаться впоследствии»⁴. В письме российского посланника в Сеуле А. Н. Шпейера министру иностранных дел А. Б. Лобанову отмечалось: «Одним из самых действенных средств, которыми Япония располагала до сих пор для господства в Корее, было воспитание и образование корейского юношества. Благодаря общности письменного языка, молодые корейцы могли учиться в японских школах, читать книги, журналы, газеты...»⁵.

В июле 1895 г. «корейское правительство в заботах о наиболее практическом образовании юношества, постановило расширить имеющуюся в Сеуле иностранную

школу и пригласить для нее русского учителя»⁶. Подобная мера являлась очень своевременной и важной. По мнению дипломатического посланника Российской Императорской миссии в Сеуле К. И. Вебера, она могла способствовать «отстранению слишком навязчивых и крайне односторонне предвзятых японских учителей, так как, согласно намеченному ныне плану, предполагается поручить русскому учителю не только преподавание русского языка, но и главных начальных предметов – истории, географии и арифметики»⁷. В том же письме К. И. Вебер сообщал, что обратился к Приморскому военному губернатору с просьбой подыскать во Владивостоке «знающее и заслуживающее доверия лицо», которое пожелало бы «исполнять обязанности русского учителя».

Начатые по данному вопросу переговоры были прерваны произошедшими в Корее событиями: убийством королевы Мин, организованным японцами в октябре 1895 г., государственным переворотом и последовавшими за ними народными волнениями. Тем не менее «благодаря счастливой случайности школа все-таки основалась»⁸.

Один из «благомыслящих» корейских министров «совершенно частным образом» отправил в Россию корейца, говорившего по-русски, с поручением найма учителя и заключения с ним условий⁹. Поручение было выполнено: во Владивостоке был найден учитель и с ним был заключен договор.

24 декабря 1895 г. (5 января 1896 г.) в Российскую Миссию в Сеуле явился Николай Николаевич Бирюков, представивший паспорт отставного капитана артиллерии. В силу того что приглашение Н. Н. Бирюкова носило неофициальный характер, в Миссии к нему отнеслись крайне сдержанно. Однако благодаря своим исключительным личным качествам он вскоре добился расположения и поддержки российских представителей в Сеуле.

Скорейшему положительному разрешению вопроса относительно открытия рус-

ского отделения при правительственной школе иностранных языков способствовала совершенно новая политическая обстановка, сложившаяся в Корее после бегства вана Коджона 11 февраля 1896 г. Ван Коджон нашел убежище в здании российской дипломатической миссии в Корее. Данные события способствовали еще большему росту симпатий к России и корейско-русскому сближению среди различных слоев населения.

Вскоре между Министерством народного просвещения Кореи и Н. Н. Бирюковым было подписан официальный контракт¹⁰, который неоднократно продлевался. 26 февраля 1896 г. состоялось официальное открытие очередной правительственной русской школы. Достаточно быстро она стала популярной и постоянно пополнялась все новыми и новыми учениками. В марте 1896 г. в школе обучалось около 20¹¹, в октябре – уже 30, в апреле 1897 г. – 48¹², а в ноябре – 56 человек¹³ в возрасте от 11 до 36 лет. В 1898 г. в школе насчитывалось 88 учащихся¹⁴.

Проведенные весной 1897 г. экзамены показали, что ученики добились хороших результатов. В соответствии с уровнем знаний в школе было сформировано три класса. Ученики третьего класса, проучившиеся в школе весьма непродолжительное время (примерно 1 месяц), могли читать и писать по-русски. Ученики второго класса, обучавшиеся около 6 месяцев, читали и писали по-русски, знали некоторые правила грамматики и арифметики. Ученики первого класса, проучившиеся не меньше одного года, свободно читали и понимали прочитанное, правильно писали под диктовку по-русски и были знакомы с простейшими элементами русской грамматики. Кроме того, они знали четыре правила арифметики и имели хорошие знания по русской и всеобщей географии¹⁵. В том же году по просьбе министра иностранных дел Кореи ученик школы Пак Копун был направлен во Владивосток для продолжения образования¹⁶.

Те из воспитанников, кто в достаточной мере изучил русский язык, получали первый гражданский чин и поступали переводчиками во дворец, в разные министерства и к частным лицам¹⁷.

Однако корейское правительство мало заботилось о дальнейшем развитии русской школы и даже элементарном поддержании ее деятельности, что в целом относилось ко всем иностранным школам в Корее. «Правительство дает для этих школ помещение, жалование учителю и небольшие средства на учебные припасы и тем всякое дальнейшее его участие прекращается и переходит к представителю соответственной иностранной державы»¹⁸, – свидетельствовал в 1898 г. губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер¹⁹.

Необходимо признать, что в отличие от других иностранных держав российская сторона практически не оказывала школе финансовой поддержки. На это обратил внимание начальник эскадры в Тихом океане контр-адмирал Е. И. Алексеев. Высоко оценивая успехи школы, он вместе с тем отмечал: «Казалось бы, что наше положение в Корее требует обратить на эту школу больше внимания и назначить необходимую правительственную денежную поддержку. Это дало бы возможность русской школе, возникшей год тому назад при самых скудных средствах, занять более соответствующее ей положение и хотя бы несколько приблизиться к обстановке других школ, которые пользуются если не покровительством, то, во всяком случае, значительными материальными средствами, находящимися в распоряжении американских католиков и протестантских миссионеров»²⁰.

По инициативе Е. И. Алексеева, моряками Тихоокеанской эскадры были собраны деньги на нужды школы. Командир канонерской лодки «Манджур» капитан П. Н. Качалов, посетивший русскую школу в Сеуле в июне 1897 г., в своем рапорте сообщал: «Между прочим, воспитанники русской школы носят форменное пла-

ть в роде наших шинелей, только с синей выпушкой, и фуражки русского образца также с выпушкой: форма эта сделана г-ном Бирюковым на средства, собранные подпискою по эскадре Вашим Превосходительством»²¹.

Учебные пособия и книги приобретались в России и доставлялись посольством и духовной миссией²².

Помимо занятий в школе с 9 часов утра до 3 часов дня, Н. Н. Бирюков постоянно занимался с учениками на дому. Беззаветно отдавая себя делу преподавания, он старался познакомить юных корейцев со всеми сторонами культурной и духовной жизни России, уделяя большое внимание всестороннему развитию и воспитанию учеников своей школы. Н. Н. Бирюков лично обучал учеников русской школы военной гимнастике. Позже занятия по военной гимнастике стали проводить русские военные инструкторы, которые прибыли в Корею осенью 1896 г. Как отмечала английская путешественница Изабелла Бишоп, посетившая Сеул в октябре 1897 г., русские инструкторы обучали военной гимнастике корейских ребят не только в русской, но и во французской школе²³. До появления русских офицеров во французской школе таких занятий не проводилось²⁴.

С первых же дней появления русских миссионеров в Корее русский учитель заботился о «сближении своих учеников с духовной миссией». В 1899 г. помощником при Н. Н. Бирюкове состоял псаломщик Российской духовной миссии в Корее Красин²⁵. А уже через год по просьбе обучавшихся псаломщик Левченко преподавал в школе нотное пение. Впоследствии некоторые из его учеников пели в церковном хоре²⁶.

Успешная деятельность русской школы в Сеуле и лично Н. Н. Бирюкова неоднократно отмечалась самыми высокими особами России и Кореи, различными представителями двух стран. Ван Коджон несколько раз устраивал смотр школы и «каждый раз благодарил господина Бирюкова в са-

мых милостивых выражениях»²⁷. Российское правительство наградило Н. Н. Бирюкова орденом Св. Анны 3-й степени²⁸.

По свидетельству П. Ф. Унтербергера, в отличие от других иностранных школ русская школа выполняла сугубо образовательную функцию. «Каждая школа, – писал он, – преследует свои собственные цели и стремится развивать в своих учениках, впереди всего, приверженность к государственному строю той нации, в ведении представителя которой школа находится. Так, например, в школах американской, английской и японской ученикам внушаются преимущества правления, основанного на началах народного представительства, без всякой оценки насколько Корея сама, по своему культурному развитию, способна к такого рода правлению»²⁹.

Унтербергер отмечал, что на улицах Сеула можно нередко встретить ораторствующих перед толпой народа учеников американской школы, и предупреждал, что если такой порядок в школьном деле в столице будет продолжаться, то в дальнейшем пропаганда учениками идей, усвоенных ими в иностранных школах, может вызвать серьезные смуты в государстве. «В этом отношении, – указывал П. Ф. Унтербергер, – русская школа составляет редкое отличие от других иностранных школ, преследуя исключительно цель дать ученикам начальное образование и обучить их русскому языку»³⁰.

Известно, что с ослаблением русского влияния на полуострове, число учеников сократилось почти вдвое. По данным командира канонерской лодки «Кореец» Соболева и заведующего Российской духовной миссией в Корее, в 1901 г. в школе обучалось около 50 человек³¹. Такой количественный состав учеников сохранялся практически до конца существования школы. Н. Н. Бирюков прилагал все усилия, чтобы школа продолжала свою деятельность.

Поверенный в делах России в Японии Н. Р. Распопов в одном из своих отчетов писал: «Справедливость требует заметить,

что если эта школа еще держится и дает относительные результаты, то, конечно, не администрация корейского министерства народного просвещения тому причиной. Все положительное должно быть отнесено, с одной стороны, к постоянным заботам о школе наших представителей, с другой – к какому-то фанатизму самого Бирюкова, ухитряющегося уделять 2/3 своего скромного вознаграждения на свою школу и ее учеников»³².

В русской школе в Сеуле были также подготовлены несколько корейских специалистов-переводчиков, которые служили России. В конце 1901 г. командир канонерской лодки «Кореец» капитан Соболев сообщал, что из бывших учеников школы трое состояли помощниками при обучении, один состоял секретарем при корейском посольстве в Петербурге, один, проведший 1 год во Владивостоке в качестве лектора при профессоре корейского языка, находился на службе в качестве переводчика при российском вице-консуле³³.

В феврале 1902 г. главный начальник Квантунской области генерал-адъютант Алексеев обратился к главе Российской Миссии в Сеуле с просьбой изыскать возможность «установить в русской школе в Сеуле изучение корейцами, знающими хорошо русский язык, параллельно японского языка». Просьба Алексеева была обусловлена увеличивающимся числом японцев в Маньчжурии, что, в свою очередь, вызывало необходимость «иметь при управлении гражданской частью переводчиков японского языка, на которых можно было бы положиться»³⁴. И уже 9 апреля того же года Н. Н. Бирюков сообщал Павлову, что двое из лучших учеников его школы: Пек Нам Сам и Хан Хон Кын – параллельно русскому начали изучать японский язык³⁵.

Известно, что корейским правительством и самим Бирюковым, чье мнение разделяли многие российские представители, неоднократно поднимался вопрос о получении корейцами специального образования в России. Он был решен положитель-

но российской стороной. Высочайшим повелением русского императора было учреждено 10 казенных стипендий для корейцев при Хабаровском и Сибирском корпусах³⁶. В 1903 г. после окончания русской школы самые способные выпускники были отправлены в Россию и приняты в различные российские учебные заведения с целью получения специального образования: четверо из них – Ан Ки Сон, Кан Хан Так, У Ин Он, Хан Ки Шу – приняты в Курское реальное училище, двое – О Уан Сон, Ку Ток Сон – в Нижегородский кадетский корпус, еще двое – Хан Хон Кын, Юн Иль Пын – в Чугуевское юнкерское училище³⁷. Один из них, Кан Хан Так, внес большой вклад в составление и перевод на корейский язык православной религиозной литературы³⁸.

Русская школа смогла в определенной мере удовлетворить дефицит квалифицированных переводчиков русского, корейского и даже японского языков, так как к моменту ее создания не было ни одного специального заведения, где готовили бы переводчиков с корейского на русский и с русского на корейский для государственной службы. По мнению В. П. Пака, русская школа наряду с английской, французской, немецкой и др., которые являлись школами нового типа для корейского общества того времени, сыграла важную роль в формировании современного образования в Корее во второй половине XIX – начале XX в. «Уже самим фактом своего существования они способствовали ломке старых конфуцианских порядков, обычаев и традиций, – писал В. П. Пак. – В школу могли поступать уже не только дети янбанов (дворян), но также и представители средних слоев и даже презираемых сословий. В школе Н. Н. Бирюкова, например, не было ни одного отпрыска янбанов: в ней были представлены только дети простонародья»³⁹. Однако, по мнению полковника генерального штаба Д. В. Путяты, единственным недостатком русской школы, на который он указывал еще в 1897 г., являлось как раз таки отсутствие пред-

ставителей дворянства среди ее учеников. Д. В. Путята подчеркивал, что среднее сословие «при господствующих в Корее понятиях о значении дворянства, не играет важной роли в официальном мире и еще надолго останется в том же положении, несмотря

на все изданные эдикты, упраздняющие прежнее различие сословий». Он отмечал, что «знающих русский язык можно встретить только на низших должностях переводчиков»⁴⁰. Напротив этой фразы Николай II собственноручно написал: «Очень жаль».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ван – правитель Кореи.
- ² *Underwood H. H. Modern education in Korea. New York, 1926. P. 10–12.*
- ³ Выписка из письма Д. Д. Покотилова из Сеула 14 (26) октября 1896 г. на имя Директора канцелярии Министра Финансов / РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 755. Л. 1–1об.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Императорская российская миссия в Сеуле. А. Н. Шпейер министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому от 7 марта 1896 г. / АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 69. Л. 9.
- ⁶ Донесение российского поверенного в делах в Сеуле К. И. Вебера министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому от 26 июня 1895 г. / АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле», 1895 г. Оп. 768. Д. 69. Л. 5.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Императорская российская миссия в Сеуле. А. Н. Шпейер министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому от 7 марта 1896 г. / АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 69. Л. 9.
- ⁹ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле», 1903 г. Оп. 768. Д. 69. Л. 89–89об.
- ¹¹ Императорская российская миссия в Сеуле. А. Н. Шпейер министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому от 7 марта 1896 г. / АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 69. Л. 9.
- ¹² Сведения об общем состоянии Кореи после окончания японо-китайской войны, о русско-корейских отношениях. (Из донесения начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала Е. И. Алексеева управляющему Морским министерством вице-адмиралу П. П. Тыртову) / РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341. Л. 522об–523об.
- ¹³ Записка полковника Генерального штаба Д. В. Путята о деятельности русских инструкторов в Корее в 1897 г. от 6 ноября 1897 г. / РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1718. Л. 5.
- ¹⁴ Хансон синбо от 24 февраля 1896 г.; Описание Кореи / Под ред. И. С. Казакевича, Г. Ф. Кима, Ю. Н. Мазура. М.: АН СССР, 1960. С. 468.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле», 1903 г. Оп. 768. Д. 69. Л. 19–21.
- ¹⁶ *Пак В. П. Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX – начале XX в. М.: Наука, 1982. С. 54.*
- ¹⁷ Отчет о деятельности корейской Духовной Миссии в Сеуле за 1900–1901 гг. / РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 57. Л. 22.
- ¹⁸ *Унтербергер П. Современное состояние корейского вопроса // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 24. Л. 123об.*
- ¹⁹ Павел Федорович Унтербергер (9.08.1842–1.02.1921) – губернатор Приморской области в 1888–1897 гг., генерал-губернатор Приамурского края в 1905–1910 гг.
- ²⁰ Сведения об общем состоянии Кореи после окончания японо-китайской войны, о русско-корейских отношениях. (Из донесения начальника эскадры в Тихом океане контр-адмирала Е. И. Алексеева управляющему Морским министерством вице-адмиралу П. П. Тыртову) // РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341. Л. 522об–523.
- ²¹ Сведения о результатах обучения корейских войск под начальством полковника Путята (Из строевого рапорта командира канонерской лодки «Манджур» капитана 2 ранга П. Н. Качалова начальнику эскадры в Тихом океане) от 25 июня 1897 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1372. Л. 482.
- ²² Донесение начальнику эскадры Тихого океана от капитана 2 ранга Соболева, командира лодки «Кореец». 15.11.1901 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2242. Л. 681.
- ²³ *Bishop, Isabella Bird. Korea and Her Neighbours. L., 1905. Vol. II. P. 209.*

Феномен «потока сознания» в произведениях М. Пруста, Дж. Джойса и У. Фолкнера

²⁴ Сведения о результатах обучения корейских войск под начальством полковника Путята (Из строевого рапорта командира канонерской лодки «Манджур» капитана 2 ранга П. Н. Качалова начальнику эскадры в Тихом океане) от 25 июня 1897 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1372. Л. 482.

²⁵ Описание Кореи. М., 1960. С. 468.

²⁶ Отчет о деятельности корейской Духовной Миссии в Сеуле за 1900–1901 гг. / РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 57. Л. 22.

²⁷ АВПРИ. Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768, 1903 г. Д. 69. Л. 20.

²⁸ Пискулова Ю. Е. Российско-корейские отношения в середине XIX – начале XX в. М.: Вост. лит., 2004. С. 139.

²⁹ Унтербергер П. Современное состояние корейского вопроса // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 24. Л. 124.

³⁰ Там же. Л. 124об.

³¹ Донесение начальнику эскадры Тихого океана от капитана 2 ранга Соболева, командира лодки «Кореец». 15.11.1901 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2242. Л. 681; Отчет о деяти Российской Духовной Миссии в Сеуле за 1900–1901 гг. / РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 57. Л. 22.

³² РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 24. Л. 176.

³³ Донесение начальнику эскадры Тихого океана от капитана 2 ранга Соболева, командира лодки «Кореец». 15.11.1901 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2242. Л. 681.

³⁴ АВПРИ.Ф. «Миссия в Сеуле». Оп. 768. Д. 69. Л. 77.

³⁵ Там же. Л. 79.

³⁶ Там же. Л. 81.

³⁷ Там же.

³⁸ О. Иоанн Кан – житель Сеула; род. в 1877 г. В 1896–1903 гг. учился русскому языку в школе иностранных языков. В 1903 г. был отправлен в Россию для дополнительного образования, где и был определен в Курское реальное училище. В 1906 г. занял место учителя в миссионерской школе при Православной Миссии в Сеуле. В 1907 г. принял святое крещение, впоследствии был рукоположен в сан. В 1918 г. с наступлением для Миссии тяжелых времен в связи с революцией в России написал заявление о снятии с себя сана.

³⁹ Пак В. П. Указ. соч. С. 55.

⁴⁰ Записка полковника Генерального штаба Д. В. Путята о деятельности русских инструкторов в Корее в 1897 г. от 6 ноября 1897 г. / РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1718. Л. 5–6.